

ОТЗЫВ

официального оппонента

Филина Никиты Александровича

на диссертацию Морозова Владимира Михайловича

«Квазигосударственные вооруженные акторы в конфликтах на Ближнем Востоке
(на примере ХАМАС, «Хизбаллы» и ИГ¹)»

на соискание учёной степени доктора исторических наук

по научной специальности 5.6.7 – История международных отношений и внешней
политики

Диссертационная работа В.М. Морозова представляет собой комплексное исследование феномена силовых негосударственных акторов Ближнего Востока и их трансформации в квазигосударственные образования, претендующие на выполнение ряда функций, традиционно относимых к ведению государства. В качестве основных примеров рассматриваются палестинское движение ХАМАС, ливанская шиитская организация «Хизбалла», а также ИГИЛ (террористическая организация, запрещённая в РФ).

Актуальность темы исследования обусловлена системной трансформацией международных отношений, в ходе которой классическая вестфальская модель государственности сосуществует с гибридными формами политической организации. Именно в ближневосточном регионе эти формы проявились наиболее ярко: некоторые негосударственные субъекты фактически захватывают или удерживают территорию, создают квазигосударственные институты управления, формируют собственные источники финансирования, обеспечивают предоставление публичных услуг населению, ведут самостоятельную дипломатическую коммуникацию и обладают значительным военным потенциалом. Резкое изменение баланса сил в ближневосточном регионе особенно ощущается в последние годы, когда Израиль интенсивно начал бомбить ХАМАС и Хизбаллу, нанеся им колоссальный ущерб, от которого организации еще долго не смогут восстановиться, не говоря уже о его недавней атаке на Иран, который считается главным покровителем и помощником этих группировок.

Хронологически работа охватывает период с начала 1980-х гг. по 2024 г. включительно.

¹ Здесь и далее ИГИЛ решением Верховного Суда РФ от 29 октября 2014 г. N АКПИ14-1424С – признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

В качестве научной новизны можно отметить следующее:

1. Впервые в российской исторической науке предложена попытка системного, исторического и компаративного анализа применительно к ближневосточным силовым квазигосударственным акторам.

2. Был разработан и применен в отношении «Хизбаллы», ХАМАС и «Исламского государства» термин «силовой квазигосударственный актор».

3. Был разработан комплексный подход к изучению исторических, геополитических, идеологических, религиозных, правовых и др. аспектов деятельности «Хизбаллы», ХАМАС и «Исламского государства», причем во многом – на базе новых, до того не известных в отечественном востоковедении, источников и литературы.

4. Была осмыслена роль России и каналы её коммуникации с силовыми квазигосударственными акторами как элемент реальной дипломатии.

В работе используется очень большой круг источников и литературы на арабском, иврите, английском и русском языках. Эта источниковая база включает документы ООН (в т. ч. решения по контртеррористической повестке и создание в 2017 г. Управления ООН по противодействию терроризму), российские концепции внешней политики (редакции 2016 и 2023 гг.), программные и уставные документы ХАМАС и «Хизбаллы» (Хартия ХАМАС 1988 г.; «Документ об основных принципах и политике ХАМАС» 2017 г.; «Открытое письмо к угнетённым Ливана и всего мира» – Манифест «Хизбаллы» 1985 г.; «Открытое письмо 2009 г.»), пропагандистские журналы ИГ («Дабик», «Румия»), арабскую и западную прессу, экспертные доклады, а также значительный массив отечественной научной литературы.

Результаты исследования можно будет использовать при моделировании оптимальных сценариев развития ситуации на Ближнем Востоке в контексте проблематики урегулирования региональных конфликтов и разработки внешнеполитическими структурами ближневосточной стратегии Российской Федерации. Как отмечает сам автор, многие уже опубликованные материалы исследования уже используются сотрудниками российских государственных ведомств, прежде всего МИД России, при подготовке аналитических материалов,

рекомендаций и документов к различным внешнеполитическим мероприятиям. Также, результаты данного исследования в виде теоретических положений, фактов и документов, в настоящее время используются для подготовки учебных курсов, лекций, программ и пособий для студентов МГИМО МИД России, изучающих новейшую историю Ближнего Востока и историю внешней политики и международных отношений.

Диссертационное исследование изобилует фактическими и документальными материалами, описывающими основные черты квазигосударственных акторов Ближнего Востока и позицию российской дипломатии по отношению к некоторым из них, что свидетельствует о выполненной серьезной работе по сбору, анализу и группировке материалов, а также показывает высокий уровень исторической и дипломатической подготовки автора. Апробация исследования включает публикации автора в рецензируемых журналах (включая журналы, индексируемые в Scopus и Web of Science), главами в коллективных монографиях, а также использованием материалов диссертации в аналитической практике и учебном процессе (МИД России, МГИМО и др.).

Работа выполнена в строгой логической последовательности. Её цель и задачи обоснованы. Структура диссертации логична и не вызывает возражений: введение, четыре главы, заключение, список источников и литературы, приложения.

В Главе 1 автор последовательно уточняет понятийный аппарат: «негосударственный актор», «враждебный актор», «квазигосударственные вооруженные субъекты» и др. Автор также рассматривает причины и факторы появления квазигосударственных образований. Так, после распада колониальной системы арабский мир оказался под властью жестких авторитарных правителей. Эти режимы характеризовались отрицанием демократии как атрибута Запада. Дальнейшая эскалация напряженности в регионе, особенно проявившаяся во время «Арабской весны», означала кризис легитимности старых режимов. Это активизировало негосударственные акторы, такие как «Хизбалла», ХАМАС и «Исламское государство». Они становятся важными игроками на политической арене с ограниченным доступом к официальной власти, заставляя международное

сообщество переосмыслить свои подходы к разрешению конфликтов. Как автор делает вывод, квазигосударственные вооруженные акторы могут заполнять вакуум власти в условиях слабости государства, что приводит к повышению роли этих акторов в международных отношениях.

Глава 2 посвящена анализу партии «Хизбалла». Автор вначале описывает её создание как радикальной антизападной шиитской группировки по противодействию Израилю, захватившему юг Ливана. Она показана в её трёх ипостасях: военной (собственные формирования, участие в войне 2006 г., присутствие в Сирии, обоснованное в речах Х. Насраллы как «препятствование попаданию страны в руки такфиристов» – до устранения угрозы «Хизбалла», по его словам, должна была остаться в Сирии); политической (фракция в парламенте, включённость в правительство национального единства; указывается на коалицию 2016 г. при президенте М. Ауне и распределение портфелей, в т. ч. министра промышленности и министра по делам спорта и молодёжи); социальной (медицинские учреждения, школы, благотворительные фонды).

Также, автором произведен подробный разбор взаимодействия России с Хизбаллой. В частности, приводятся визиты делегаций «Хизбаллы» в Москву (2011 и 2021 гг.), встречи с министром иностранных дел С. В. Лавровым, контакты на уровне замминистра М. Л. Богданова. Вместе с тем подчёркивается, что сведения об экономическом взаимодействии зачастую основаны на публикациях СМИ и санкционных релизах, и официально не подтверждены. Это демонстрирует прагматизм российской внешней политики, признающей фактическую субъективность «Хизбаллы» при одновременной приверженности международной антитеррористической повестке. Автор правильно утверждает, что Хизбалла занимает очень серьезные позиции в ливанской политической жизни, существенно влияет на функционирование парламента и правительства и пользуется популярностью не только шиитов, но и некоторых других религиозных групп ливанцев.

В Главе 3 диссертант реконструирует длительную эволюцию движения ХАМАС – от благотворительных сетей «Братьев-мусульман» к политико-военному

субъекту с развитой социальной инфраструктурой. Показателен анализ социальной базы: подчёркивается, что ещё до прихода к власти в Газе около 85 % бюджета ХАМАС направлялось на социальные программы – бесплатные детские сады, школы, Исламский университет, мечети, столовые, библиотеки, медицинские учреждения, поддержку матерей и детей, потерявших кормильца. Описываются пенсии семьям погибших боевиков, жильё для родственников смертников, пособия тем, кто потерял работу из-за разрушения предприятий; приводятся оценки выплат семьям террористов-смертников (около 5000 долл. США). К 2006 г. ХАМАС и аффилированные фонды управляли примерно 40% социальных учреждений, обслуживавших порядка 120 тыс. человек на Западном берегу и в секторе Газа. Эти конкретные цифры позволяют увидеть логику легитимности, построенной не только на сопротивлении Израилю, но и на повседневных социальных услугах.

Источники финансирования рассмотрены автором детально: показана роль зарубежных благотворительных сетей и субъектов, в т. ч. «Союза Добра» (*Иттихад аль-Хаир*), объединявшего к началу 2000-х разрозненные фонды поддержки; подчёркнуто влияние шейха Юсуфа аль-Кардави как духовного авторитета и публичного лица, обращавшегося к мусульманскому миру с фетвами о бойкоте израильских товаров и о допустимости направления закята на «джихад во имя Аллаха». Приведены характерные публичные высказывания Кардави во время визита в Газу (2013 г.), а также реакция руководства ХАМАС (И. Ханийя, М. Абу Марзук) на события в Афганистане в 2021 г., иллюстрирующая «внутреннюю дискуссию» движения об отношении к выборам и общепалестинскому единству.

Социальная инфраструктура и международная коммуникация ХАМАС вплетены в политико-военный контекст: диссертант рассматривает ликвидации лидеров (А. Ясин, А. А. ар-Рантиси, С. Айяш, С. аль-Арури и др.), «точечные операции» израильских спецслужб и статистику потерь во время «интифады аль-Акса». На этом фоне аргументируется тезис о том, что именно сочетание социальной «встроенности» и военно-политической субъектности создаёт у ХАМАС потенциал квазигосударственности.

В Главе 4 автор воссоздаёт «архитектуру» режима ИГИЛ: административные структуры, налогово-экстрактивные практики, квазисудебные органы, нормирование повседневности. Приводятся положения «документа о правилах общего поведения и наказаниях»: запрет называть «Исламское государство» аббревиатурой ДАИШ (штраф – 70 ударов плетью) – очевидно, чтобы попытаться искусственно приукрасить свой запятнанный преступлениями имидж у подвластного населения; запрет сигарет, жвачки и наркотиков (80 ударов плетью) – как показная «забота» о здоровье населения; введение обязательной коллективной молитвы и остановки торговли на время намаза под угрозой тюрьмы – чтобы создать образ «ревнителей благочестия»; запрет каких-либо политических и идеологических течений, партий и вооружённых групп; казнь через распятие для «особо опасных преступников»; жёсткие ограничения прав женщин (запрет женщинам выходить из дома без необходимости, запрет носить женщинам джинсы и т. п.). Эти нормы сопоставляются с пропагандистским визуальным рядом («Дабик» демонстрирует «обеспеченную и спокойную жизнь» «новых граждан халифата»), что позволяет вскрыть расхождение между декларативной картинкой и насильственной практикой на местах.

Далее аргументированно объясняется провал проекта «государственности» ИГИЛ: разочарование суннитских племен в этом режиме из-за его бесчеловечной жестокости, массовый отказ боевиков воевать на фронтах и их переход к участию в криминальных и грабительских практиках (казни, вымогательства, торговля артефактами, нефтью и оружием), международное силовое давление (операции российских ВКС и западной коалиции). Все эти процессы быстро разрушили псевдогосударственную оболочку, вернув ИГИЛ к формату сетевой террористической организации.

В заключении диссертации автор аккумулирует сравнительные выводы и переносит их в плоскость международно-правовых и внешнеполитических реалий. Автор демонстрирует, что существующие нормы и институты глобального управления (ООН, международное гуманитарное право) недостаточно адаптированы

к появлению акторов, не являющихся государствами, но исполняющих квазигосударственные функции и осуществляющих трансграничное насилие.

В российской политике по отношению к силовым квазигосударственным акторам автор обозначает двойственную задачу: 1) борьба с транснациональным терроризмом, включая ИГИЛ и аффилированные структуры; 2) прагматичная коммуникация с де-факто влиятельными акторами вроде ХАМАС и «Хизбаллы» – в целях обеспечения дипломатической посреднической роли, безопасности российских граждан и инфраструктурных проектов, а также в целях их смягчения отношения к Израилю, что будет способствовать прогрессу ближневосточного мирного урегулирования.

Отдельно отмечается международная реакция на палестинскую проблематику после очередных витков эскалации: признания Палестины рядом государств Европы и консультативное заключение Международного суда ООН от 19 июля 2024 г. по незаконности поселенческой политики Израиля и вопросу репараций.

Важным достоинством работы следует признать то, что автором глубоко проанализированы дискурсы различных сторон по отношению к Хизбалле и выявлены их серьезные различия. В западном нарративе «Хизбалла» редуцируется к террористической структуре; в ливанском – трактуется как движение сопротивления Израилю и – шире – политическому Западу, а также как организация, обеспечивающая предоставление общественных благ в условиях очень слабо развитых социальных государственных институтов в Ливане. Показано, что организация далеко не всегда готова открыть второй фронт против Израиля во время эскалаций на палестинском направлении, что объясняется как религиозно-политическими различиями (суннитские движения в Палестине и шиитская «Хизбалла»), так и рациональной стратегией.

К числу других достоинств работы стоит отнести наличие интересных приложений, в том числе – авторский перевод первого и второго манифеста Хизбаллы на русский язык.

Однако работа, несмотря на многочисленные достоинства, всё же не лишена определенных недостатков.

Во-первых, вывод о причинной связи волны признаний Палестины и решений международных инстанций с радикальными акциями ХАМАС представляется чрезмерно категоричным. Действия ХАМАС были только одним из факторов. Гораздо более весомым фактором послужили полномасштабные преступления Израиля над палестинцами и разрушение Газы: фотографии разрушенных до основания кварталов и убитых и раненых палестинцев, в том числе детей, обошли весь мир. По итогу, многие – даже западные – журналисты и политики пришли в ужас и решили поддержать право палестинцев на свое государство.

Также, насчет Хизбаллы, можно было бы рассмотреть различные взгляды на её деятельность в Сирии, которые зачастую не просто различны, но и фактически полярны (со стороны официальных властей, суннитских оппозиционных группировок, религиозных меньшинств, например - христиан). Тем более, что автор провел замечательный и очень глубокий анализ отношений Хизбаллы также со стороны такого соседнего негосударственного актора, как ХАМАС, определив, что группировки очень осторожно идут на сближение из-за разницы в религиозной конфессии.

Также представляется, что автор недооценивает степень разрушения военной организации Хизбаллы в результате израильских ударов осенью 2024 г. Если бы Хизбалла не понесла серьезного ущерба, как полагает автор, она бы смогла, например, вторгнуться на территорию Израиля, чтобы отомстить за массовые убийства палестинского народа, или за израильскую атаку на Иран – теоретически такой сценарий вполне можно было представить до начала израильской операции против Хизбаллы; группировка уже начинала обстрел израильской территории, и при определенном сценарии могла бы войти в него. Но сейчас эта группировка настолько обессилена, что даже не была в состоянии обстреливать израильскую территорию, когда шла ирано-израильская война в июне 2025 г.

Также в работе присутствуют опечатки и стилистические неточности, а иногда – неточности в передаче восточных слов и имен. Вот некоторые замеченные опечатки. Так, на с. 29, где приводится полное имя аятоллы Хомейни, вместо «Мусавии» должно быть «Мусави». На страницах 30 и 232 слово «сопротивление» с

арабского транслитерировать кириллицей нужно не как «мукаума», а как «мукáуама» или лучше «мукáввама». На с. 90 вместо «Мустафу Баразани» должно быть «Мустафу Барзани». На с. 92 вместо «Абдулле Гани» должно быть «Абдул Гани» (это имя не склоняется). На с. 121 «Фадлалаа» нужно заменить на «Фадлалла». На с. 126 «аль-Масави» нужно заменить на «аль-Мусави». На с. 196 вместо «Хихбаллы» должна быть «Хизбаллы». На с. 202 имя советницы президента Башара Асада лучше передать на русском не как «Бутхаин Шаабан», а как «Бусейна Шаабан». На с. 223 – транслитерация движения «Братья-мусульмане» (запрещены в России): вместо «аль-Ихуан аль-муслемин» должно быть «аль-Ихуан аль-муслимин». На с. 226 вместо «Хасана аль-Бану» должно быть «Хасана аль-Банны». На с. 234 вместо «Фи зыляляли» должно быть «Фи зыляли» («в тени»). На с. 237 вместо «Батьями-мусульманами» должно быть «Братьями-мусульманами». Там же: вместо «Братсьев-мусульман» должно быть «Братьев-мусульман». На с. 253 вместо «Гильада» должно быть «Гилада». На с. 269 вместо Саудовсой должно быть Саудовской. В примечаниях на с. 293 вместо «аффилированную» должно быть «аффилированную». Присутствуют разночтения: так, при передаче арабского слова «Братья» иногда дается вариант «Ихуан», а иногда – «Ихван» (последний более принят в востоковедческой литературе, хотя первый тоже можно встретить; но желательно выбрать и использовать один какой-то вариант).

На с. 121 вместо «в эпоху 12-го Великого возрождения имама Мухаммада аль-Махди» должно быть «в эпоху Великого сокрытия 12-го имама Мухаммада аль-Махди».

На с. 158 автор утверждает: «Летом 1992 г. политические и религиозные лидеры Ирана рекомендовали руководству «Хизбаллы» начать процесс трансформации из откровенно военизированной и экстремистской организации в активную ливанскую политическую силу. В этой связи аятолла Р. Хомейни направил своим последователям в Ливан послание...». На самом деле, Р. Хомейни умер в 1989 г., а в 1992 г. в Иране был другой Верховный Лидер: аятолла Али Хаменеи.

Отмеченные замечания носят дискуссионный и рекомендационный характер и не снижают научной и прикладной ценности работы. Выводы диссертанта не

вызывают возражений. Положения, выносимые на защиту, новы и обоснованы; результаты апробированы и отражены в публикациях. Текст автореферата полностью отражает положения диссертационного исследования.

С учетом всего вышеизложенного, можно констатировать, что диссертационная работа Морозова Владимира Михайловича «Квазигосударственные вооруженные акторы в конфликтах на Ближнем Востоке (на примере ХАМАС, «Хизбаллы» и ИГ)» соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора исторических наук, согласно п. 2.1 раздела II (докторская) Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утвержденного Ученым советом РУДН протокол № УС-1 от 22.01.2024 г., а её автор, Морозов Владимир Михайлович, заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по научной специальности 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики.

Официальный оппонент

доктор исторических наук

(научная специальность 07.00.03 – Всеобщая история),

декан факультета востоковедения и африканистики

Института евразийских и восточных исследований

Федерального государственного автономного

образовательного учреждения высшего образования

«Российский государственный гуманитарный университет»

04.08.2025.

Филин Никита Александрович

125047, г. Москва, внутригородская территория
(внутригородское муниципальное образование)
города федерального значения муниципальный
округ Тверской, пл. Миусская, д. 6, стр. 6.
Тел: +7 (495) 250-61-18
E-mail: rsuh@rsuh.ru

Юлия А. Филин
уфотоборщ

**ПРОРЕКТОР
ПО УЧЕБНОЙ РАБОТЕ**

П. П. ШКАРЕНКОВ

